

Предисловие Николая Старикова

Разрешить запрещенную экономику

Сегодня в мире есть две экономики. Одну проповедают российские либералы. В ней «невидимая рука» рынка расставляет все по местам. В ней происходит честная конкуренция, которая приводит к снижению цен и увеличению производства. В этой прекрасной экономике нужно дробить крупные предприятия, чтобы получить много эффективных мелких. А уровень жизни страны зависит от количества политических партий и частоты выборов. Много чего есть в этой экономике, нет только одного — ее самой. Она не существует в реальности. Ее нет.

А что есть? А есть реальная мировая экономика. В которой нет никакой свободной конкуренции, а есть жесткая борьба. В реальной мировой экономике господствуют протекционизм и поддержка своих против чужих. В этой реальной мировой экономике созданы структуры, главная задача которых — «вскрывать» и открывать чужие рынки для своих товаров. И в этой экономике сегодня живет человечество.

Реальная экономика и ее правдивая история сегодня под запретом. Это и есть «запрещенная экономика». Историю

ее создания и рассказывает книга Дмитрия Зыкина, который уже издавался в данной серии с работой «Как оболгали великую историю нашей страны», получившей высокую читательскую оценку.

В своей новой книге Дмитрий Зыкин коснулся экономики более, чем истории. Исторические примеры помогают понять главную истину, которую старается донести до своего читателя автор. Только протекционизм, только поддержка своего производителя делает страны сильными, а их экономику самодостаточной и эффективной. Все остальные рецепты даются от обратного. Эти рецепты высказывают те самые российские либералы. Следуя их правилам и пожеланиям, Россия зашла в колоссальный тупик, из которого понемногу старается выбраться. Но это будет сложно, а может, и невозможно без тщательного изучения истории мировой экономики. Той самой — запрещенной, настоящей, которую от нас скрывают.

С чего началось могущество англосаксонского мира? С победы над Непобедимой армадой Испании? Автор этой книги уверен, что нет. Прежде чем создать частный эмиссионный центр под названием Банк Англии в 1694 году, англичане ввели в действие Навигационный акт. Он стал первым шагом на пути создания богатого общества на бедном и забытом Богом Острове.

«Навигационный акт Кромвеля 1651 года предусматривал следующий комплекс мер.

1. Товары из Африки, Азии и Америки разрешалось ввозить в Англию только на судах, принадлежащих британцам и экипаж которых на три четверти укомплектован британцами. Из Европы можно было привозить товар, но только на кораблях стран, которые этот товар произвели. Эта мера

Глава 5

Россия: борьба за протекционизм

А что же наша страна? Мы долго говорили о других, пора уже вернуться к родному отечеству.

Английский дипломат и купец Джон Мерик во время аудиенции у Михаила Федоровича — первого русского царя династии Романовых — произнес весьма занимательную речь, в которой он кратко и точно изложил основной принцип протекционизма на примере своей страны. Разговор начался с того, что Мерик посоветовал нашему государю запретить вывоз смолы, то есть необработанного сырья, а потом от частного перешли к общему.

«Государи и власти не позволяют товар неприготовленный и неисправленный из своей земли отпускать и у людей своих промыслы отнимать. Из английской земли в прежнее время шерсть баранью вываживали в другие государства, а от этого в английской земле многие люди обнищали было; рассудив то дело поразумнее, Королевское Величество заказал (то есть запретил. — *Примеч. Д. Зыкина*) шерсть вывозить из земли и тем опять бедных людей воскресил: сукно в своей земле делать велел и теперь лучше этих сукон ни в которых государствах не делают.

Этим и иноземных мастеров в английскую землю приняли, землю и подданных обогатили так, что славнее и богаче нашего государства не было между окрестными. И теперь недавно Королевское Величество заказал из английской земли белые сукна вывозить в другие государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и оправляли, и от того богатели, и теперь это поворотилось к королевским подданным»¹.

После этого Михаил Федорович созвал совет из купцов и спросил их мнение. И вот что интересно: те купцы, которые отстаивали интересы внешней торговли, категорически воспротивились идеям протекционизма. Они говорили, что если экспорт смолы запретить, то на внутреннем рынке цена на нее упадет и бюджет понесет убыток. Однако на совете присутствовали и те купцы, которые имели опыт руководства таможенными в Архангельске. И вот что они сказали:

«...Отпуск смолы следует прекратить: от этого будет прибыль казне и польза для всех; в казну пойдет тогда три пошлины — 1, с крестьян, которые торговым людям продают, 2, когда купцы продают по канатному делу, и 3, — с канатов весовая пошлина. А если отпускать смолу за море, то пошлина с нее меньше, а с канатов никакой — станут возить сырую пеньку да смолу и смолить канаты за морем, канатное дело за смолою остановится, бедным будет кормиться нечем и канатные мастера переведутся»².

Иными словами, купцы предложили собирать пошлину не с продажи сырой смолы, а самим смолить канаты, их про-

¹ Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1886. С. 15.

² Там же. С. 16.

давать за границу и уже с этого взимать налог. Перед нами главный принцип покровительственной системы в действии: экспортируй не сырье, а готовый товар.

Царь Михаил Федорович продемонстрировал государственное мышление и принял сторону протекционистов. Экспорт смолы был резко ограничен. К сожалению, этот подход не распространили на другие сферы экономики, да к тому же иностранные оптовые торговцы имели право беспошлинной торговли в целом ряде русских городов. Более того, из политических соображений правительство смотрело сквозь пальцы на то, как иностранные купцы путем сговора удерживали низкие цены на российские товары.

Но все-таки в некоторых принципиальных вопросах царь не уступал. Так, например, иностранцам запрещалась прямая торговля с Персией. Этот бизнес держали русские купцы, которые сами возили товары по Волге и Каспию, а потом перепродавали их западным европейцам. Коммерческие связи России с Востоком были тесны даже на официальном уровне. Так, например, Федот Котов был торговым представителем Михаила Федоровича в Персии. До нас дошли занимательные воспоминания Котова «О ходе в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Ормуз, где корабли приходят». Из этой книги прекрасно видно, что торговые маршруты из России на Восток были хорошо известны и освоены нашими деловыми людьми.

Что только англичане ни делали, чтобы перехватить эту торговую артерию. Мерик и деньги казне предлагал, и беспроцентные кредиты купцам, и клятвенно обещал, что англичане не будут торговать теми товарами, которы-

ми занимаются русские. Михаил Федорович вновь созвал совет, на котором решили запросить у англичан очень солидную плату за транзит. Мерик заявил, что не располагает необходимыми инструкциями от своего правительства и ничего ответить не может. В итоге не договорились. Вслед за англичанами приходили французы, датчане, голландцы и голштинцы, но безнадежно.

Следующий русский монарх Алексей Михайлович пошел дальше. Он отменил льготы для иностранцев, поставив их в равное положение с русскими купцами. А еще через некоторое время вышел указ, позволяющий зарубежным торговцам вести дела во внутренних городах России только по специальному разрешению, за которое взимались плата.

В 1667 году был принят Новоторговый устав. Этот документ носил протекционистские черты, и, кстати, в нем закреплялась государственная монополия на торговлю целым рядом товаров. При царе Алексее выписывались иностранные мастера, строились мануфактуры, развивалось свое шелкоткацкое производство, делались бумага, стекло, порох, пушки, ядра, колокола и многое другое.

Обычно считается, что до Петра I Россия поставляла в Европу исключительно сырье. Это не так, задолго до царя-реформатора наша страна экспортировала на Запад мыло, кожаные варежки, кнуты, мачты, сукно и полотно. По мнению иностранцев, Россия уже в те годы могла обойтись без импорта промышленной продукции, полностью обеспечив свои потребности собственным производством. Однако по некоторым причинам Алексей Михайлович не решился на столь крутые меры. Он дорожил сотрудничеством с западными государствами. А главное, в самой Москве существовала влиятельная купеческая партия, лоббировавшая

свободную торговлю, поэтому протекционизм прививался очень медленно.

Настоящий перелом в политике государства наступил при Петре I. В 1717 году наш деятельный монарх побывал во Франции. Парижские мануфактуры его заинтересовали куда больше, чем придворные развлечения. Что очень важно, Петр интересовался не только техническим оснащением предприятий, не только технологиями производства, но и законами, регулировавшими их функционирование, а, как мы знаем, во Франции тогда процветал кольбертизм.

Вернувшись домой, Петр разрешил беспошлинный ввоз сырья, но ограничил его вывоз, включая драгоценные металлы. Кроме того, для отечественных предприятий вводились налоговые льготы, а импорт готовых изделий, напротив, затруднялся, для чего вводились высокие пошлины¹. По мере развития русского кораблестроения вводились и льготы для торговли на русских судах, что было в духе идей Навигационного акта, о котором мы говорили ранее.

Перед нами все тот же протекционистский рецепт, уже доказавший свою эффективность и в Англии, и во Франции. Кроме того, устанавливался жесткий надзор за качеством отечественных товаров, нарушителям грозил не только кнут, но и каторга. Правда Петр уделял недостаточно внимания стимулированию экспорта промышленных изделий, и этим его экономические реформы существенно отличались от политики Кольбера. Судя по всему, Петр исходил из того, что в первую очередь необходимо насытить внутренний рынок товарами, и на это были серьезные причины.

¹ *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1886. С. 61.

Индустриализация шла такими колоссальными темпами, что действительно отечественные запросы на готовые изделия были значительны.

Как и следовало ожидать, шаги Петра вызвали недовольство западных коммерсантов. Да и во всяком новом деле возникают ошибки, что и позволило иностранцам указать на отдельные недочеты в таможенных правилах Петра. Они старались внушить руководству нашей страны мысль, будто бы неверен сам принцип протекционизма. Не стоит отрицать очевидного: контрабанда и коррупция на таможе действительно имели место. Когда Петр умер, не стало человека, способного держать в узде иностранных государственных советников, и началось отступление от покровительственных правил. Мало того, англичане добились для себя торговых льгот. Кое в чем экономические порядки откатились к временам Новоторгового устава.

Лишь при Елизавете Петровне Россия вновь вернулась на путь, проложенный Петром, и в 1757 году была принята система пошлин, в главных чертах повторившая ярко выраженный протекционистский тариф 1724 года. Правда, Елизавета Петровна разрешила вывоз драгоценных металлов при уплате незначительного таможенного сбора, но все же протекционизм постепенно утверждался.

К сожалению, не дремали и противники. В нашей стране, как и везде в мире, всегда находились влиятельные силы, заинтересованные в максимально свободной торговле. Налицо замкнутый круг: если своя промышленность слаба, то необходимо вводить протекционизм, но именно слабость внутреннего производства не позволяет сформироваться влиятельному слою отечественных предпринимателей, которые бы могли добиться соответствующих законов. В то же

время лоббисты, получающие доходы от дешевого импорта, располагают деньгами и связями, которые употребляют на то, чтобы отстаивать свои личные интересы. Им на руку играет и тот очевидный факт, что первые шаги новых отраслей всегда сопряжены с неудачами, поначалу и товары получают дороже импортных, что вызывает недовольство потребителей. А тут еще и расцветает контрабанда.

Нужны годы для того, чтобы отечественная промышленность твердо стала на ноги и обеспечила внутренний рынок качественной и дешевой продукцией. А вот неудобства покровительственного тарифа потребитель чувствует буквально на второй день после повышения пошлины. Силы двух партий, условно говоря — импортеров и промышленников, совершенно неравны. В результате протекционизм отменялся, и производство обваливалось.

Разомкнуть этот круг обычно удавалось только сверху, путем волевого решения сильной личности, способной обуздать аппетиты импортеров. Кромвель и Ришелье, Кольбер и Петр — примеры лидеров, которым удавалось это сделать. Но мы уже видели немало примеров, когда лоббисты-импортеры брали верх. Стоило в 1757 году повысить пошлины, так сразу в это решение полетели критические стрелы. Тем не менее, когда в 1766 году при Екатерине II появился новый тариф, его суть осталась все же умеренно протекционистской.

Согласно дореволюционному исследователю Лодыженскому, на большинство товаров пошлина не превышала 30 % от таможенной стоимости. В отдельных случаях пошлина повышалась до 200 %, а импорт некоторых товаров и вовсе запрещался. Беспошлинно или с минимальным обложением разрешалось привозить то, что Россия не производила

в принципе, например лимоны, перец, пробковое дерево, миндальное масло. Поощрялся ввоз олова, хлопка, различных материалов, необходимых для русских заводов. Около четверти импорта облагалось пошлиной в 30 %. Под это правило попали большинство тканей, кожаных, бумажных и железных изделий.

В тексте документа прописали категорию продукции, о которой говорилось, что Россия сама может ее производить, но пока этого не делает. Для этой группы товаров, а также тех, которые у нас производились в недостаточном количестве, действовала невысокая пошлина — 12 %. Речь шла о косах, серпах, оконных и зеркальных стеклах, сельди, лапше и др. Отдельные предметы роскоши облагались сурово — 100 %, а вот на мелкие товары, удобные для провоза контрабандой, пошлина составляла всего лишь 10 %. Что касается отечественного экспорта, то льготы предоставлялись готовым изделиям. Причем чем выше степень обработки сырья, тем ниже пошлина.

В 1782 году таможенные правила несколько изменили: снизили обложение привозного сырья, уменьшили торговые льготы англичанам, но вместе с тем были практически отменены запретительные меры. Российская элита очень любила иностранные предметы роскоши, в результате чего их импорт резко возрос. Высшая власть обратила внимание на эту проблему и постаралась ограничить привоз дорогих товаров. А тут еще и подвернулся удобный повод: во Франции началась революция, и России ввела экономические санкции против нелегитимного режима.

В 1793 году Екатерина II полностью запретила импортно-экспортные операции с Францией. Под предлогом борьбы с реэкспортом французских товаров через другие страны

Россия ввела запрет не только на продукцию из Франции, но и вообще отменила ввоз многих предметов, причем не обязательно относящихся к роскоши. Фактически в России вновь ввели жесткий протекционистский тариф, признав ошибочность подходов, связанных с идеями свободного рынка. Как и следовало ожидать, это возмутило английское правительство, но его протесты остались без внимания, и отечественная экономика получила мощный импульс для своего развития. Но вскоре императрица умерла, и многие ее начинания были свернуты.

Преемник Екатерины на царском престоле Павел I пошел на сближение с Францией и смягчил условия торговли с ней. Тариф, опубликованный в его правление, снижал уровень защиты российской промышленности до параметров, обозначенных в документе 1782 года. Через некоторое время Павел понял, что России необходимы строгие покровительственные меры, и вообще запретил ввоз стеклянных изделий и стекла, фарфора, фаянса, шелковых, бумажных, льняных и пеньковых материй¹. Затем последовал период политического сближения с Францией, и в феврале 1801 года было объявлено о восстановлении с ней коммерческих отношений. В марте в результате государственного переворота Павла свергли и бразды правления перешли к Александру I.

Как известно, новый монарх увлекался идеями Адама Смита о свободной торговле. Сами придерживаясь протекционизма, англичане пытались убедить другие народы открывать собственные рынки. Министр коммерции граф

¹ *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1886. С. 158.

Румянцев пытался убедить Александра в том, что предложения Смита нам невыгодны. Но царь настоял на своем, и вскоре появился проект нового тарифа, согласно которому самая высокая пошлина не могла превышать 20 % от цены товара. И вот тут в экономику вмешалась политика, на этот раз сыграв в пользу протекционизма.

Европа вновь вступила в полосу войн. Торговые связи нарушились, Британия блокировала порты Франции, Наполеон в ответ организовал так называемую континентальную блокаду Англии и заставил Россию в этом участвовать.

Внешнеторговые обороты нашей страны резко сократились с 120 млн рублей в 1806 году до 83 млн рублей 1808 году¹. Стремясь оживить торговлю, царь поощрял купечество и сбавил на 50 % пошлину на соль, если ее привозили на русских судах. Однако вскоре Наполеон потерпел поражение, и ничто уже не могло помешать Александру I осуществить свою давнюю мечту ослабить таможенную защиту российской экономики. Тариф 1816 года и в особенности 1819 года четко отражал рыночно-либеральное мировоззрение императора. Поток ранее запрещенных товаров хлынул на российский рынок. Импорт взлетел с 177,1 млн рублей в 1819 году до 245,2 млн рублей в 1820 году². Александр I был либералом, но не был дураком. Ему хватило ума и мужества признать свою ошибку. Вот что Александр писал прусскому королю уже в 1822 году:

«Мои государства — Россия и Польша — сделались обширным складом всех заграничных мануфактурных из-

¹ Министерство финансов. Т. 2. — М.: Типография ИПО «Полигран», 1994. С. 134.

² Там же. С. 142.